

РЕЦЕНЗИИ

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКЕ (Рецензия на: Клейн Л. С. Первый век: Сокровища сарматских курганов. – СПб.: Евразия, 2016. – 224 с.)

Ирина Петровна Засецкая

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия, krokochka@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT RESEARCH ETHICS (Review: Klein L. S. Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov. Saint Petersburg, Evrazia Publ., 2016, 224 p.)

Irina P. Zasetskaya

State Hermitage, Saint Petersburg, Russia, krokochka@mail.ru

Я искренне сожалею, что эту статью не увидит Лев Самуилович Клейн, которому, как автору книги «Первый век», она была предназначена в первую очередь. Статью-рецензию я начала писать еще в 2017–2018 гг. и только в апреле 2019 г. передала ее в редакцию. Однако после ухода из жизни Льва Самуиловича моим первым желанием было отказаться от публикации статьи. Но со временем, рассудив, что статья в целом рассчитана на более широкую аудиторию читателей, я решила опубликовать ее. Одной из причин этого было также мое желание защитить честь научных сотрудников археологического отдела, несправедливо обвиняемых Л. С. Клейном.

В 2016 г. вышла из печати монография Л. С. Клейна, которую он назвал «Первый век: сокровища сарматских курганов» [36]. Но содержание этой книги, посвященной двум знаменитым курганам сарматской культуры – Хохлачу и Садовому, некогда расположенным на окраине г. Новочеркаска, не покрывает столь много значимый исторический период в жизни народов и государств Европы и Азии. В книге Л. С. Клейна этому периоду посвящена часть 11 «Первый век» (с. 57–60), в которой отмечено такое глобальное событие, как появление и распространение по всему миру христианства, ознаменовавшего начало новой эры, подчеркнута главенствующая роль в истории первого века трех могущественных государств – Римской империи, Парфии и Китая. Все это изложено весьма кратко и, вероятно, представляет отрывки из лекций, которые Л. С. Клейн, будучи преподавателем на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, читал студентам. Однако, принимая во

внимание, что в основе работы лежат сарматские памятники I в. н. э. Нижнего Дона, было бы логично показать, что же происходило в это время в Северном Причерноморье, в жизни населения степей и Боспорского царства, тесно связанных между собой. А также хотелось бы узнать – какую роль в этом процессе играли памятники типа Хохлача и Садового. Но не будем вдаваться в подробности сложных событий первого века, а обратимся к содержанию остальных частей монографии.

Книга делится на две части: первая (I) посвящена кургану Хохлач, открытому еще в 1864 г., а вторая (II) – кургану Садовому, раскопанному уже в наши дни в 1962 г. (почти 100 лет спустя) при непосредственном участии автора – Л. С. Клейна. Каждая часть состоит из нескольких малых частей, пронумерованных арабскими цифрами (Часть I содержит 16 частей, Часть II – 25).

Монография, как указано в аннотации на титульном листе, принадлежит к серии научно-популярных сочинений. В то же время на последней странице книги работа характеризуется как научное издание. Однако, на мой взгляд, она не соответствует в полной мере ни тому, ни другому жанру.

Еще до выхода в свет этого сочинения, по предложению Л. С. Клейна, я ознакомилась с рукописью первой части книги. После прочтения я спросила автора, на какую читательскую аудиторию рассчитано данное произведение – если на широкого читателя, то, по-моему, *сложновато*, а если на специалистов, то, пожалуй, *маловато*. Лев Самуилович, согласившись с моим мнением, ответил, что книга предназначена для *избранного* читателя.

Вероятно, я не доросла до этой группы «особенных» людей, поэтому на меня рукопись, а затем и монография 2016 г., в целом произвели весьма неоднозначное впечатление. Поскольку мне ближе та часть книги, которая посвящена истории кургана Хохлач, под заголовком «Лось и Купидон: загадки Новочеркасского клада. *Археологическая баллада в шестнадцати частях с тремя отступлениями – лирическим, этическим и философским*» (с. 8–66), то я позволю высказать свое мнение по некоторым затронутым автором вопросам как общего, так и частного характера.

Но, прежде всего, мне, вероятно, следует объяснить мой повышенный интерес к данной работе... А дело в том, что я являюсь автором первой самой полной публикации погребального комплекса кургана Хохлач, изданной в 2011 г. [27], в которой на основе архивных данных подробно излагается история открытия и научного исследования памятника, дается детальная характеристика каждой вещи, рассматривается семантика изображений декоративного оформления таких изделий, как диадема, и исполненные в полихромном сарматском зверином стиле гривна, браслеты, флаконы и золотой кубок. Кроме того, поднимаются, а в некоторых случаях и решаются, вопросы, связанные с поисками истоков происхождения и центров производства предметов, определением датировки и этнокультурной принадлежности как отдельных находок, так и комплекса в целом. Особое внимание уделено доказательствам царственного статуса похороненной здесь знатной особы. Монография содержит 327 страниц, из них 270 с., включая каталог [27, с. 258–270], – авторский текст,

41 с. [27, с. 271–312] – архивные данные, отчеты непосредственных участников открытий на кургане Хохлач (Приложения 1–3), далее, 14 с. [27, с. 313–327] включают список литературы, географический указатель памятников и краткое английское резюме¹. Книга иллюстрирована цветными фотографиями – 136 илл. и 37 рисунков, многие из которых содержат по несколько изображений. Кроме того, в 2015 г. вышла из печати научно-популярная публикация «Магия золотой диадемы из кургана Хохлач» [31].

Естественно у меня возник вопрос: так ли уж было необходимо в данной ситуации опубликовать «балладу» о замечательном открытии 1864 года в городе Новочеркасске? Ведь в ней, по сути дела, кратко, на 58-ми страницах, изложены те же события и сведения, что и представленные в моей монографии. Я уже не говорю об иллюстрациях, касающихся предметов из Хохлача и дополнительного материала, которые целиком взяты из моей работы 2011 г. (21 иллюстрация, содержащая 33 изображения)². При этом самим находкам в книге отведено незначительное место, а содержание некоторых частей (6, 11, 14) имеет лишь косвенное отношение к новочеркасскому комплексу.

В литературном же отношении, в «красочности» и «загадочности» названий частей, в пафосной, а подчас скандальной манере изложения сочинение Л. С. Клейна существенно отличается от моего простого традиционного повествования, которое, однако, вполне доступно широкому читателю, а не только специалистам.

Желание написать рецензию на первую часть книги Л. С. Клейна вызвано у меня отнюдь не тем, что в ней повторены события и сведения, представленные в моей публикации, а тем, как автор это делает.

В книге Л. С. Клейна мне и моей монографии посвящены две части: 12 (с. 61–63) и 13 (с. 64–66). В первой предлагается моя биография (о чем я скажу позже), а во второй под названием «Публикация Хохлача» дается оценка моей работе, как «в лучшем смысле слова вещеведческой». В какой-то мере это так, поскольку моей главной задачей было предоставить читателю полноценную публикацию каждой вещи комплекса. Но, как я показала выше, исследование не ограничивается только описанием конструктивных, технических и стилистических особенностей, в работе предметы рассматриваются на фоне широких аналогий разновременных и разноэтнических культур, что позволило сделать целый ряд интересных наблюдений, свя-

¹ В книге Л. С. Клейна (с. 64) постраничное перечисление текста моей монографии не совсем корректно и не совсем верно.

² Рисунок на с. 8 и далее рис. 13–18, 21, 22, 25–27, 29, 30, 34, 35, 37, 41, 42, 44. Собственные иллюстрации составляют 16 портретов ученых, министров, членов Археологической Комиссии и царя Александра II (рис. 1–12, 19, 20, 23, 28) и 8 рисунков дополнительного материала (рис. 24, 31–33, 36, 38, 39, 43). При этом, фотография К. М. Скалон (рис. 28), скорее всего, также была позаимствована из моей книжки 2015 г. [31, илл. 40].

занных как с частными, так и с общими вопросами сарматской археологии. Отчасти об этом же пишет и Л. С. Клейн, хотя и в своей «своеобразной» манере³.

Не прав Л. С. Клейн, когда говорит, что вещи рассматриваются мной в *условном порядке экспозиционной значимости и по материалу* (с. 64). На самом деле я рассматриваю их в порядке художественной и исторической ценности, с учетом моих научных интересов и знаний, а к принципам экспозиции это не имеет никакого отношения.

Далее, подчеркивая мою осторожность в оценках того или иного явления, Л. С. Клейн полагает, что для оправдания этого «недостатка» мной был выбран к монографии эпиграф соответствующего содержания. На самом же деле, цитатой из произведения Эрика-Эмануила Шмидта «Оскар и Розовая дама» я хотела предостеречь будущих исследователей от неоправданных, бездоказательных и претенциозных выводов, которые, к сожалению, переполняют нашу науку⁴.

Однако Л. С. Клейн, говоря о моей осторожности, одновременно упрекает меня в безапелляционности некоторых определений, в частности, касающихся «ладьевидных» предметов, которые я, по его мнению, неправильно называю флаконами. Напомню, что в археологической литературе этот термин используется по отношению к сосудикам с округлым туловом, цилиндрическим горлом, плотно закрытым крышкой, которые, по словам исследователей, служили для хранения ароматических веществ, лекарственных трав и разных ядов. Они подвешивались на цепочках или шнурках, которые продевались сквозь петельки, расположенные на крышке и тулове. Подобный флакон происходит и из кургана Хохлач, где он был найден с тремя сосудиками того же назначения, но отличающимися по форме. Один из них был полусферический, два других – ладьевидные. В моей монографии изделиям этого типа посвящен специальный раздел [27, с. 122–139, 146–149, 156–160]. Упрек Л. С. Клейна о моем, якобы безапелляционном суждении – непонятен. Если речь идет об определении ладьевидных предметов как туалетных *флаконов*, то ведь я подробно объясняю, почему отношу их к данной категории вещей, а если автор не согласен с моей точкой зрения – это его право, но тогда следует опровергать мои доказательства, а не обвинять меня в безапелляционности.

Сам Л. С. Клейн, вслед за И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым, называет их *коробочками*, М. И. Ростовцев ладьевидный флакон с фигурами зверей – *футляром*, а, например, полусферический флакон М. Ю. Трейстер определил как *пиксиду*⁵. Дело

³ Указав, что исследование не ограничивается только описанием и технологическим анализом находок, Л. С. Клейн отмечает, что в работе приведены *«все доступные автору аналогии, анализируется стиль, типология, датировка, место в развитии и связанные с этим исторические соображения»*. Но при этом он подчеркивает излишнюю скромность поставленных задач (? – И. З.): *«Все-таки вещьведческая ограниченность – это ограниченность»*, а метод, которым проанализированы вещи, придает книге *«справочный характер»* (с. 64).

⁴ «Самые интересные вопросы остаются вопросами. В них содержится тайна. К каждому ответу следует всегда добавлять «возможно». Только малозначительные вопросы имеют окончательные ответы» (Журнал «Театр». 2004. № 3. С. 16).

⁵ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков называют полусферический флакон складной коробочкой. Один из

не в названии, которое часто бывает условным, а в одинаковом назначении этих предметов как хранилищ каких-то веществ, значимых для их владельца. Различаясь по форме, все три типа «флаконов» из Хохлача идентичны по своему устройству, технике, малым размерам, а также наличию цепочки для подвешивания. Так, ладьевидные «флаконы» состоят из небольшого удлиненной формы тулова-вместилища (дл. 10–12 см, шир. 1,5 см) и крышки, которые, имея одинаковые размеры (дл. 13,5 см, шир. 2,1 см), различаются по технике декоративного оформления, что отразилось на весе изделий [27, с. 261, Кат. 6 – вес 135,41 г, Кат. 7 – вес 57,36 г]. Более тяжелая крышка флакона с зооморфными изображениями изготовлена из массивного золотого листа в технике басмы с вторичной обработкой рельефа чеканом и резцом с лицевой стороны. Однако Л. С. Клейн, игнорируя мои описания, почему-то полагает, что «откидные крышки» на ладьевидных сосудиках «как бы дутые». Даже более легкая крышка на флаконе с перегородчатой инкрустацией, будучи сделанной из плотной золотой пластины в технике выколотки иковки, никак не может считаться «дутой» (рис. 1).

Что касается оригинальных предположений А. Попы и Ф. Р. Балонова о назначении этих предметов как футляров для вееров [64, S. 337–343] или как давящих инструментов [5, с. 9–10], то они опровергаются устройством и малыми размерами изделий. Попробуйте, например, вложить веер в футляр длиной 10 см, с диаметром устья 1,5 см. Но, почему-то, без всяких объяснений, Л. С. Клейн считает версию немецкого исследователя наиболее убедительной, может быть, потому, что это *немецкий* ученый?

Одно из замечаний по поводу моей работы относится к вопросу датировки комплекса из кургана Хохлач, которую я, якобы, «не сумела предложить». Это не совсем так. Прежде всего, я предложила рассматривать отдельно время погребения, которое, судя по бронзовым сосудам поминальной тризны, могло произойти в период конца I – начала II в. н. э., тогда как дата золотых изделий полихромного звериного стиля, принесенных на Нижний Дон своими владельцами в готовом виде, ограничивается I в. н. э. [27, с. 254]. Вообще следует заметить, что Л. С. Клейн, когда отмечает какие-либо представленные мной в работе наблюдения или новые факты (помещая их между строк), как правило, почему-то исключает мои объяснения о роли и значении их в исследовании истории сарматских племен.

Но, вернемся к началу работы Л. С. Клейна – части 1 «Место, время и действующие лица» (с. 9). На этой странице указано место расположения кургана, а далее идет длинный перечень фамилий крестьян и солдат, производивших земляные работы при рытье котлована на кургане Хохлач. Затем перечислены имена подрядчиков, руководителей стройки, ученых, принявших участие в исследованиях, аптекаря, пробирера, производивших взвешивание и оценку золотых предметов,

ладьевидных флаконов (с зооморфными изображениями) они определяют как *маленький футлярчик*, другой (с перегородчатой инкрустацией) – как *продолговатая пластинка неизвестного назначения* [59, с. 132, 137–139; 66, р. 50; 67, р. 25].

Рис. 1. Ладьевидные флаконы из кургана Хохлач

чиновников, занимавшихся отправкой материала в Санкт-Петербург, министров двора, членов Императорской Археологической Комиссии. В конце списка упомянут и сам император Александр II. Портреты некоторых из перечисленных лиц помещены в части 3 «Сокровища на вес» (с. 13–18, рис. 2–8). В этой части рассказывается о процессе передачи вещей из Археологической Комиссии в Императорский Эрмитаж на «высочайшее воззрение». Здесь же представлены данные химического анализа, взвешивания и оценка золотых изделий⁶. Далее речь идет о длительных хлопотах по вознаграждению рабочих, которое было осуществлено в 1869 году по высочайшему повелению императора.

Нужны ли эти подробности? Для научно-популярного издания, пожалуй, да. Они как бы подчеркивают грандиозность события и могут быть интересны для широкого круга читателей.

В моей монографии нет такого подробного перечня имен и описания событий, изложенных в части 3, хотя действия главных лиц – бывшего инженера, есаула Р. И. Авилова, члена Комитета строительных работ Черкаева, а также профессора Харьковского университета Н. Д. Борисяка и археолога, члена Императорской Археологической Комиссии В. Г. Тизенгаузена, сыгравших существенную роль в обнаружении находок, мной представлены достаточно полно [27, с. 9–13]. К тому же, приведенные в моей книге копии архивных документов – отчеты участников строительных работ и археологических раскопок – значительно дополняют сведения об истории открытия памятника.

⁶ Может быть, было бы уместно сравнить старые данные ювелирной экспертизы с результатами, полученными в наши дни [27, с. 258–267, Кат. 1–25]

В части 2 «Шкаф о четырех замках» (с. 10–12)⁷ кратко изложена история открытия находок, первые из которых – бронзовые сосуды – появились 12 июня, а затем 14, 17 и 18 июня были обнаружены остальные вещи, представленные, главным образом, золотыми художественными изделиями, которые, по словам Л. С. Клейна, якобы *«лежали на одной и той же глубине неподалеку от первой находки»*. На самом деле они, как следует из архивных данных, помещались глубже первых на 1,27 м. При этом, в отличие от бронзовых сосудов, расположенных в черноземном слое насыпи кургана (на глубине 2,14 м), другие группы вещей находились значительно ниже (на глубине 3,57 м) в слое *«насыпной глины»*. Это различие не случайно. Найдки в насыпи мной отождествляются с остатками погребальной или поминальной тризны, а предметы из «глинистого слоя» рассматриваются как жертвоприношения, но отнюдь не просто *скопление вещей в «грудах глины»*, как пишет Л. С. Клейн (с. 11–12). Мои наблюдения, касающиеся особенностей погребального обряда, вероятно, могли бы быть интересны широкому читателю.

После того, как В. Г. Тизенгаузеню была обнаружена и раскопана могила, стало ясно, что так называемый «глинистый слой» или «груды глины» являются *«могильным выкидом»*, обычно располагавшимся вокруг ямы. Размещение в нем золотых вещей и серебряной импортной посуды не раз было отмечено в погребениях знати у кочевников евразийских степей, в том числе и у сарматов. При этом подобное явление нередко сочетается с другим загадочным фактом – отсутствием останков умерших и разорением могилы, что мы и наблюдаем в кургане Хохлач. Л. С. Клейн, отмечая эти особенности, назвал их *сплошными загадками*, предложив читателю четыре вопроса: **куда** девались останки покойной и вещи из могилы, **почему** грабители не взяли вещи, которые располагались выше, **почему** угодили прямо в центр могилы, **зачем** вытащили тело наверх? (с. 20, часть 4 «Уравнение с двумя неизвестными»). Однако, как сказано выше, Хохлач – не единственный погребальный комплекс с такими загадками, что наводит на мысль, а нет ли здесь какой-то закономерности. В связи с этим определенным интерес представляют доклады на конференции 2016 г. под названием «Древние некрополи и поселения, постпогребальные ритуалы, символические захоронения, ограбления». У меня наибольший интерес вызвала статья М. А. Очир-Горяевой [47, с. 113–128]. Опираясь на этнографические данные о существовании у некоторых народов особого ритуала – выноса тела погребенного из могилы и возврата драгоценностей, она предположила, что подобное явление имело место и среди кочевников южнорусских степей, в частности, у савроматов Нижнего Поволжья. Если принять во внимание, что такой обряд существовал и у других племен, например, у сарматских, то мы, возможно, получим ответы на загадочные вопросы Л. С. Клейна.

В связи с этим следует заметить, что группы находок в материковом выкиде не просто *скопление вещей*, а в каждом случае содержат комплекты однородных

⁷ Причиной такого названия части 4 послужили архивные сведения о том, что находки будут перевозить в Петербург в специально заказанном «шкафу», закрывающемся на четыре замка.

предметов. Например, группа I (по плану В. Г. Авилова) состоит из вещей царского достоинства и кульново-магического назначения. В нее вошли: диадема-корона с фигуркой Эрота на ветке дерева, гривна и пара браслетов, ритуальные флаконы, украшенные зооморфными изображениями полихромного сарматского звериного стиля, отражающими мировоззренческие представления носителей и создателей этих изделий. Неслучайно, рядом с ними были найдены и декоративные детали трона. Группа II представлена сотнями золотых нашивных бляшек разнообразных форм, бусин и золотых нитей от парчи, а также бесчисленным количеством стеклянного бисера и жемчуга, которые свидетельствуют, что здесь были спрятаны богатые расшитые золотом одежды и покрывала. В группе IV лежали золотые кружка и кубок с ручкой в виде фигуры лося, а также серебряные импортные сосуды. Таким образом, очевидно, что каждая группа содержала наборы вещей определенного назначения, что для устроителей погребения имело, вероятно, свой особый смысл [27, с. 10–13].

Специально хочу остановиться на указанных в заголовке первой части книги отступлениях, которые Л. С. Клейн определяет как *лирическое, этическое и философское*. Первое – посвящено золоту, в котором автор пишет о своей нелюбви к нему (с. 11). Данная автором характеристика этого благородного металла слишком уж жестока. На мой взгляд, виновато не золото, а люди, которые к нему прикасаются⁸.

Еще жестче выглядит *этическое* отступление, представленное в части 4 (с. 21), которое, на мой взгляд, не только не этично, но фактически неверно и оскорбительно. Речь идет о *музейных хранителях*, которые, по словам Л. С. Клейна, представляют «*особый мирок*», и которых он противопоставляет каким-то мифическим добрым, по сравнению с хранителями, «*сотрудникам*», «*широко известным своим радушием и щедростью*», готовым «*прийти на помощь зрителям и ученым*»⁹. Далее он пишет: «*У них (хранителей – И. З.) сложилась традиция: числить за собой исключительное право на публикацию доверенных им сокровищ. К сожалению, большинству из них не под силу реализовать честолюбивые мечты... Они всю жизнь изучают свои вещицы, корпят над ними, делают подробные описания, картотеки, каталоги, а потом придет кто-то другой на готовенькое и снимет сливки?*». Для публикации, замечает Л. С. Клейн, нужны «*другие способности*», чем для ухода за древностями. Далее, он упрекает хранителей, что они якобы не показывают музейные коллекции другим исследователям из боязни, что те «*не дай бог, опубликуют!*» (с. 21). И вот эти унижительные, несправедливые слова автор называет *этическим* отступлением. Хотелось бы спросить, а что вообще Лев Самуилович знал о музейной работе и музейных сотрудниках? Чтобы восстановить справедливость, вернемся назад в 1945–

⁸ Однако в Части II книги автор, напротив, признаваясь в любви к золоту, восхваляет его достоинства (с. 195).

⁹ В штатном расписании Эрмитажа нет такой должности как хранитель. Есть только научные сотрудники, в обязанность которых входит хранительская работа. Поэтому совершенно не понятно, кого имеет в виду Л. С. Клейн, противопоставляя *сотрудников – хранителям*.

Рис. 2. Фотография открытия выставки алтайских древностей 1954 г.

1950 годы, когда в отделе, который тогда назывался Отделом истории первобытной культуры (ОИПК), ныне – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕС), работало сначала 9, а затем 12 человек – научных сотрудников (хранителей) и научно-технических (лаборантов)¹⁰. В течение этого времени все сотрудники музея должны были заниматься исключительно хранительской работой – распаковкой вернувшихся из эвакуации ящиков, проверкой сохранности вещей, размещением коллекций по шкафам, приведением в порядок документации. И в первую очередь это касалось учета изделий из драгоценных металлов, в частности, проведения ювелирной экспертизы тысяч и тысяч предметов из золота и серебра. Серебро, наряду с предметами из других материалов, размещалось в хранилищах отдела, а золото – в специальном закрытом помещении, известном как «Особая кладовая». Понятно, что на научную работу времени не хватало.

В 50-е годы произошло существенное увеличение штата хранителей за счет прихода в Эрмитаж молодых специалистов: искусствоведов, археологов, историков,

¹⁰ Зав. отделом А. А. Иессен, главный хранитель отдела и хранитель древностей «сармато-готской» секции К. М. Скалон, хранители: А. П. Манцевич, М. З. Паничкина, Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан, В. П. Мизинова, М. Д. Белицкая, Н. И. Эсипова, В. Н. Полторацкая, М. П. Завитухина, лаборанты З. В. Кроткова и Е. И. Оятева.

востоковедов, окончивших Ленинградский государственный университет или Академию художеств. Изменился и значительно увеличился состав хранителей – научных сотрудников и в нашем «первобытном» отделе¹¹. Тогда же, в 1953 г., меня приняли на работу в археологический отдел на должность научно-технического сотрудника (лаборанта), с тех пор Эрмитаж стал для меня родным домом.

В это время хранительская работа по-прежнему была на первом месте. Не случайно я говорю моим молодым коллегам, что, когда меня не будет в Эрмитаже, обо мне вам будут напоминать инвентари, написанные мной, топографические по-предметные ключи, шифровка вещей, подписи на коробках, протоколы ювелирных экспертиз предметов из «драг. металлов», реставрационные списки и т. д.

И все-таки, несмотря на продолжающуюся занятость хранительскими делами, сотрудниками отдела одновременно велась большая экспозиционная работа. Так, в 1952–1955 гг. были открыты для посетителей выставки: в Особой кладовой – золотых изделий, представленных скифо-сарматскими древностями и предметами из Сибирской коллекции Петра I; на Салтыковском подъезде – уникальных находок из погребальных комплексов Пазырыкских курганов на Алтае (рис. 2); в Кутузовском коридоре – памятников кочевников и Боспорского царства сармато-гуннской эпохи (в последней я принимала непосредственное участие).

Начало 60-х годов, когда большая часть хранительских дел подходила к завершению, ознаменовалось двумя важными для нашего отдела событиями – появлением периодического издания «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» (АСГЭ) и коренной переделкой старого академического стиля выставки на более популярную, приближенную к посетителю экспозицию, в которой наряду с подлинными предметами предлагалось использовать дополнительный материал: карты с расположением памятников и передвижением племен, графические рисунки планов кургана и погребального обряда, а также гальваноконии золотых вещей и украшений в реконструкции одежды знатных женщин и воинов.

Первым опытом нового метода экспозиции стала выставка скифских древностей, которая, будучи открытой еще в 1962 г., существует и по сей день. Затем, в 1963–1965 годах были заново переделаны и другие выставки отдела, в том числе и памятников сармато-гуннской эпохи.

В связи с этим, хочется заметить, что никакая экспозиция невозможна без предварительного научного изучения археологических памятников, из которых происходят представленные на выставке предметы. Устроители выставок (хранители) обязаны не только знать «в лицо» свои экспонаты, но и показать их на историческом фоне, связав с определенными этническими и культурными обществами. Далее в обязанности хранителя входит подготовка к публикации путеводителя по выставке,

¹¹ В 50-е годы в отдел пришли: И. П. Засецкая, Л. К. Галанина, Л. Л. Баркова, Г. И. Смирнова, Н. К. Качалова, А. Д. Столяр, Я. В. Доманский, Н. Г. Кершнер-Горбунова, А. М. Микляев. Все они в будущем стали известными учеными.

в котором следует популярно рассказать читателю – посетителю музея историю племен и народов, материальная культура которых представлена в экспозиции.

Кроме того, на долю хранителей падает большая просветительская работа: проведение экскурсий и занятий, в том числе и со студентами-археологами ЛГУ, чтение публичных лекций как в Эрмитаже, так и на других площадках.

Что же касается научно-исследовательских публикаций, требующих, по словам Л. С. Клейна, «*других способностей*», которыми, якобы, большинство хранителей не обладают, то и на этот раз он ошибается. Кто же тогда, как не хранители – научные сотрудники писали и пишут статьи в Археологический Сборник, регулярно издаваемый с 1960 года до наших дней, и в Труды и Сообщения Эрмитажа, в которых наряду с публикациями вещей и погребальных комплексов, немалое место занимают работы исторического плана.

Прав Лев Самуилович, говоря, что публикация – «*трудоемкое дело*». Вот почему, чтобы она стала полноценным источником, необходимо прежде всего провести всестороннее исследование памятника. Благодаря не прекращающемуся изучению коллекций, сотрудники отдела (хранители) в период 1970–1990 гг. наряду с многочисленными статьями, издаваемыми в эрмитажных и научных журналах регионального и государственного значения, опубликовали целый ряд монографий, посвященных наиболее значимым памятникам и коллекциям, большинство из которых поступили в Эрмитаж еще в XIX веке. В том числе были изданы и те комплексы, которые перечислены Л. С. Клейном как неопубликованные. В этой связи следует заметить, что ко времени выхода его книги в 2016 г. известные скифские курганы были уже давно опубликованы¹². Публикация музейных материалов в статьях, альбомах, монографиях продолжается и по сей день, при участии как старейших сотрудников отдела, так и более молодых, поступивших в Эрмитаж в 1970–1980 годы [37; 48; 49; 27; 1; 43 и др.].

И последний упрек в адрес хранителей, которые, по словам Л. С. Клейна, якобы не показывают посетителям музейные материалы, что, однако, входит в их обязанность. Это – неправда. Исходя из своего опыта, я могу сказать, что именно благодаря данной работе у меня сложились дружеские отношения, как со старшим поколением, например, с К. Ф. Смирновым, так и с моими сверстниками – М. Г. Мошковой, И. И. Гущиной, А. М. Хазановым и более молодыми коллегами – Б. А. Раевым, бывшем аспирантом ЛГУ, А. И. Айбабиным из Симферополя, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис из Краснодара, А. В. Симоненко из Киева, А. В. Богачевым из Самары, Э. Иштванович и В. Кульчар из Будапешта, М. М. Казанским из Франции и др. При этом мои посетители не только знако-

¹² 1977 г. – Л. К. Галанина «Скифские древности Поднепровья (коллекция Бранденбурга)» [9]; 1980 г. – Л. К. Галанина «Курджипский курган» [10]; 1983 г. – М. П. Завитухина «Древнее искусство на Енисее», коллекция минусинских бронз [14]; 1987 г. – А. П. Манцевич «Курган Солоха» [42]; 1991 г. – А. Ю. Алексеев и др. «Чертомлыкский курган» [2]; 1993 г. – И. П. Засецкая «Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в.» [21]; 1994 г. – И. И. Гущина, И. П. Засецкая «"Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье» [13], 1997 г. – Л. К. Галанина «Келермесские курганы» [11] и др.

мились с вещами, но и фотографировали и рисовали их. Как я знаю, также доброжелательно относились к посетителям и другие сотрудники нашего отдела.

Так что, несомненно, прав Лев Самуилович, когда пишет, что музейные хранители «*особый мирок*», хотя я бы сказала «*особый интеллектуальный мир*», которые кроме исследовательской работы обязаны заниматься хранением, просветительской деятельностью, выставками, в том числе и многочисленными временными экспозициями как в Эрмитаже, так и за его пределами. А благодаря тому, что хранители «*корпят над своими вещицами*», хотя я бы сказала – «*заботятся о музейных сокровищах*», они сохраняют их не только для посетителей сегодняшнего дня, но и для будущих поколений. Поэтому скажем им – **Спасибо!!!**

А теперь вновь вернемся к кургану Хохлач, о судьбе которого так сокрушается Л. С. Клейн, отмечая, что сокровища Хохлача не были введены в научный оборот, «*хуже того – недоступны для исследования. Лишь кое-что из сокровищ Хохлача можно было найти на хороших цветных фото в советских изданиях, но порядочно – в японских и английских*» (с. 21). Чтобы не вводить в заблуждение читателя, нам придется вновь вернуться к истории находок из кургана Хохлач. Все замечания Л. С. Клейна, как я понимаю, адресованы сотрудникам нашего отдела, где в настоящее время хранятся новочеркасские древности, но он, вероятно, не знал, что Отдел истории первобытной культуры возник только в 1931 году. Именно тогда в числе поступивших в отдел музейных коллекций были переданы из Отдела Древностей и Византийского отделения широко известные упомянутые выше памятники скифо-сарматской культуры и, в том числе, древности из Хохлача, которым к этому времени, с начала их открытия 1864 г., исполнилось 68 лет. Почему же Л. С. Клейн не упрекает тех, кто был в течение этих долгих лет хранителями сокровищ? В 30-е годы работа сотрудников отдела, естественно, была посвящена приемке материалов. Однако уже в 1932 г., а затем в 1937 г. состоялись открытия первых экспозиций, в которых среди памятников сарматской культуры свое место заняли и древности из Хохлача (рис. 3). А в 1941 году вышел первый том Трудов Отдела истории первобытной культуры.

Рис. 3. Фотография витрины с находками из кургана Хохлач в экспозиции 1937 г.

К сожалению, дальше была война... 1941–1945 годы: в 1942 г. – эвакуация коллекций в г. Свердловск (ныне Екатеринбург), в 1945 г. – возвращение их домой и последующая за этим огромная хранительская работа, о чем я писала выше.

В послевоенный период хранителем древностей из Хохлача была К. М. Скалон, в ее планы входила публикация этой коллекции. Например, в 60-е годы в качестве подготовительной работы под ее наблюдением была осуществлена реставрация диадемы, что позднее позволило мне по сохранившимся в фотоархиве нашего отдела реставрационным снимкам более точно восстановить конструкцию и технику изготовления уникального украшения [27, с. 28–47]. Кроме того, К. М. Скалон принадлежит отождествление так называемых серебряных «фигурных трубочек» с декоративными накладками ножек деревянного трона, что было зафиксировано в контурном рисунке на выставке культуры сарматских племен (рис. 4,а). Что же касается текста в книге Л. С. Клейна, посвященного Кире Михайловне, то допущенные автором фактические неточности и путаница со «стульями» требует некоторого разъяснения (с. 43, часть 8). Во-первых, К. М. Скалон не была кандидатом исторических наук, как и столбовой дворянкой, хотя род ее и восходит к дворянскому сословию; во-вторых, она никогда не публиковала свое открытие об «оковках ножек трона», также как никогда не предлагала какой-либо реконструкции трона, а, в-третьих, представленный в экспозиции восстановленный ею походный «стул» римского воина происходит из богатого погребения готского (а не «сарматского», как пишет Л. С. Клейн) вождя конца IV в. н. э., периода нашествия гуннов в Европу, и не имеет никакого отношения к сарматской культуре [57]¹³. Впервые декоративные детали трона из Хохлача были опубликованы мной [27, илл. 127]. Эта же иллюстрация воспроизведена в книге Л. С. Клейна на рис. 29.

К. М. Скалон умерла в октябре 1977 г. и все ее хранение, в том числе и новочеркасские древности, целиком перешло ко мне. В это время и далее (80–90-е гг.) мои научные интересы были целиком обращены к памятникам гуннской эпохи, о чем свидетельствуют публикации разного рода статей и монографий. Вместе с тем, сарматские древности всегда оставались в моем поле зрения, в том числе и находки из кургана Хохлач¹⁴. Кроме того, в каталоге сарматской выставки 1995 г. в аббатстве Даулас во

¹³ У К. М. Скалон публикаций немного, но все они не потеряли своей актуальности. Ряд статей посвящены исследованию отдельных предметов из комплексов IV–V вв. н. э.: о складном стуле (СГЭ. 1966. Вып. 27); о ранневизантийском кувшине (Сборник «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», 1968); о серебряном шлеме (Spatromische Gardehelme. Munchen, 1973); о боспорских стеклянных сосудах (СГЭ. 1973 и 1974. Вып. 37 и 38). К сарматской эпохе относятся статьи: о сосудах с зооморфными ручками (Труды ОИПК. 1941. Том 1): о находке у озера Батырь в Казахстане (АСГЭ. 1961. Вып. 2), а также – аннотация к диадеме из Хохлача (Альбом «Эрмитаж», 1964) и об импортной посуде из Хохлача (Тезисы научной конференции Гос. Эрмитажа, 1973).

¹⁴ Л. С. Клейн несколько поскромничал, назвав только две мои работы 1980 и 1989 гг., посвященные памятникам сарматской эпохи (с. 63). На самом деле их значительно больше, не считая многочисленных аннотаций и вступительных статей в каталогах экспозиций, где выставлялись сарматские древности. Наиболее значимые работы см. [15–19; 22; 24; 29; 30; 70].

Рис. 4. а – рисунок сидящей на «троне» знатной дамы (по проекту К. М. Скалон) в витрине в экспозиции 1964 г.; б – образ царицы и верховной жрицы в парадном облачении с ритуальным сосудом в руке (по проекту И. П. Засецкой, художник Е. М. Миронова).

Франции были напечатаны две мои статьи. Одна посвящена исследованию декоративного оформления новочерасских находок, исполненного в сарматском зверином стиле, другая – истории открытия кургана Хохлач и описанию вещей: гривны, браслета, флаконов, кубка с ручкой в виде фигуры лося [68, р. 50–55; 69, р. 55–60].

После завершения в 2007 г. монографии «Морской Чулек» – моей последней работы, посвященной памятникам эпохи Великого переселения народов, я сосредоточила все свое внимание на сарматской археологии и, главным образом, на искусстве звериного стиля. Тогда же, в 2008 г. в Эрмитаже была открыта экспозиция «Сокровища сарматов» на базе эрмитажных коллекций и Азовского музея-заповедника (как указано в каталоге, автор концепции и куратор выставки – И. П. Засецкая). Одна из витрин экспозиции была посвящена золотым украшениям из Хохлача, представленным в каталоге цветными фотографиями [25]¹⁵.

Таким образом, вряд ли будет справедливо говорить, что новочеркасские находки после публикации И. И. Толстого, Н. П. Кондакова и М. И. Ростовцева ни-

¹⁵ Цветные иллюстрации целых предметов и их деталей [25, кат. 27–36] исполнены фотографами Эрмитажа – В. С. Теребениным, И. Е. Кисляковым, Ю. Б. Бессмертным.

когда не публиковались и не исследовались. Просто Лев Самуилович либо не знал, либо не хотел знать о других публикациях знаменитого памятника сарматской эпохи, появившихся задолго до выхода в свет в 2016 году его книги.

Теперь позвольте мне ответить Л. С. Клейну на упрек, что вещи из этого комплекса не показывались посетителям. Например, вышедшая в 1978 г. статья Б. А. Раева о бронзовой и серебряной посуде из кургана Хохлач [51], не могла бы появиться на свет, если бы ему не показали эти материалы¹⁶. А в 2004 г., когда хранителем этих древностей уже была я, вышла публикация М. Ю. Трейстера о серебряных сосудах из Хохлача [67, р. 452–455], с которыми он знакомился не *«через стекло витрины»*, а непосредственно держа их в руках¹⁷.

По правде говоря, я не могу назвать кого-либо из посетителей, кто бы интересовался другими новочеркасскими находками как объектом исследования. Вероятно, это объясняется спецификой данного материала, большая часть которого представлена вещами сарматского звериного стиля, а эта тема, как я писала в статье 1989 г. по историографии [20], долгие годы оставалась невостребованной. Только один раз в 1997 г. ко мне обратилась студентка Волгоградского государственного университета Н. В. Лавыгина, которая, занимаясь сарматским искусством, хотела посмотреть золотые вещи из Хохлача, и она их получила. В результате, в 1999 г. вышла ее статья о фантастических существах в искусстве полихромного звериного стиля I в. н. э., основу которой составили изображения на новочеркасских изделиях [40, с. 157–161].

В книге Л. С. Клейна непосредственно находкам из кургана Хохлач фактически посвящены две части: 5 «Лось и Купидон» (с. 23–28) и 7 «Сарматы в скрещении культур» (с. 36–42). Название части 5 выбрано автором не случайно, оно указывает на смешанный греко-варварский характер погребального комплекса: лось – символ сарматской культуры, купидон – эллинской. Эта особенность новочеркасского комплекса была замечена сразу же после его открытия. Так, еще Н. И. Борисяк в 1864 г. писал, что изделия из Хохлача отличаются «поразительной двойственностью», причем одни из них тяготеют к восточным древностям, а другие – к греко-боспорским [8]. После него, все последующие авторы, которые в своих работах так или иначе касались проблем новочеркасского памятника, всегда отмечали эту черту. Данному вопросу посвящены разделы и моей монографии, в которых показаны истоки этого явления, как в художественном, так и в историческом отношении. Наиболее ярко смешение культур выступает в декоративном оформлении диадемы, в котором прослеживаются черты

¹⁶ К. М. Скалон, будучи хранителем сармато-готской секции, одновременно являлась главным хранителем отдела, а, кроме того, вела огромную общественную работу, будучи заместителем председателя местного комитета профсоюза. Конечно, для работы с посетителями у нее не всегда хватало времени. Часто в таких случаях она просила меня заняться гостями.

¹⁷ Непонятно, откуда Л. С. Клейн берет сведения, когда пишет, что серебряные и бронзовые сосуды из кургана Хохлач были, якобы, впервые выставлены на всеобщее обозрение только в 1970 г. (с. 39). На самом деле, все эти предметы экспонировались постоянно, начиная с 1932 по 2009 гг. (год закрытия сарматской выставки в Кутузовском коридоре).

Рис. 5. Бюст богини на диадеме из кургана Хохлач

греческого, римского и варварского искусства. Например, мной впервые отмечен тот факт, что мастер, используя халцедоновую женскую головку эллинистической эпохи¹⁸, чтобы создать **новый образ**, прежде всего постарался не только спрятать под золотым венком со вставкой граната эллинскую прическу, но и наделил ее косами или локонами, что, вероятно, было сделано по желанию заказчика (рис. 5). Проведя подробное исследование на тему, какие персоны в древнем искусстве изображались с локонами или косами, я пришла к выводу, что эту деталь, наряду с декоративным венком, следует рассматривать как символ **божественности и власти**. Эта новая прическа имеет прямое отношение к решению происхождения и статуса знатной персоны, погребенной в кургане Хохлач. Далее, соединив головку со своеобразным золотым «гнездом» в виде верхней части греческого хитона, мастер создал женский образ, который я рассматриваю как олицетворение богини любви и плодородия Афродиты, что подтверждает фигурка Эрота, обнаруженного на одном из деревьев фриза. Образ богини близок и отождествляется с богинями плодородия восточного происхождения: с финикийской Астартой, вавилоно-ассирийской Иштар, иранской Анахитой. Была ли на диадеме изображена Афродита или один из ее восточных аналогов, ответить трудно. Нельзя исключить ни тот, ни другой вариант [27, с. 78]. В этой же работе мной рассматривается вопрос о соотношении ритуальной сцены с деревом жизни на фризе и женским бюстом в центре диадемы. Все эти наблюдения, а также исследование изображений с персонажами, сидящими на тронах [27, с. 235–242], позволили мне сделать вывод, что в кургане Хохлач была похоронена особа царского рода, возмож-

¹⁸ В декоре диадемы использована женская головка, а не «женский бюстик из двухцветного камня» (с. 11, 19, 27). Эта же ошибка у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова [59, с. 133].

Рис. 6. Технические особенности прикрепления декоративных деталей на диадемах из кургана Хохлач и захоронения царицы на некрополе Тилля-тепе

это его право, именно так и делает Л. С. Клейн с моими картинками, включенными в его книгу. Однако, в данном случае, используя авторский экземпляр, он должен был указать автора реконструкции, а не писать просто – «из книги Засецкой», т. к. это создает впечатление, будто здесь использован якобы уже существующий в публикации портрет «знатной дамы». Подобная некорректная подпись вызывает, мягко говоря, недоумение. Но, может быть, ему не хотелось озвучивать тот факт, что впервые статус **царицы**, совмещенный с функциями **жрицы**, похороненной «дамы» в кургане Хохлач был подробно исследован и оформлен И. П. Засецкой. Однако, пренебрегая моими выводами, Л. С. Клейн пишет об этом явлении так, как будто до него и не было никакого исследования на эту тему. И хотя цитата из его сочинения, которую мы приводим ниже, в отличие от моих формулировок, изложена другими словами, смысл ее тот же: «*трон и диадема с деревьями и животными Хохлача показывают, что образы богини и земной властительницы близко совпадали у сарматов, что царица являлась живым воплощением богини на земле и возможно первой жрицей богини*» (с. 54, часть 9 «Дама в кресле»)²⁰. И далее Лев Самуилович справедливо отмечает, что «*это новый*

¹⁹ Данный рисунок использован Л. С. Клейном (рис. 37) без согласования со мной, что является прямым нарушением авторских прав; вина ли это Л. С. Клейна или его издателя, мне не известно, хотя такая бесцеремонность удивляет. Впрочем, это не могло быть сделано без участия автора, так как только он мог изменить подпись к рисунку.

²⁰ В этой части – 9 и в части 8 Л. С. Клейн рассматривает изображения богинь, сидящих на тронах, и, в частности, в сценах росписи из склепа Амфестерия. В своей монографии я также уделила внимание этому сюжету, опираясь на работу М. И. Ростовцева о монархической власти (ИАК. 1913. Вып. 49), но при этом указав на особое мнение М. И. Артамонова (АСГЭ. 1961. Вып. 2). Изучая устройство

но, царица одного из сарматских племен Придонья, выполняющая также жреческие функции [27, с. 62–65, 241, 257]. Образ царицы, по моей реконструкции, запечатлен на акварельном рисунке – Ил. 112 в монографии 2011 г. (рис. 4,б). Подпись к рисунку звучит так: «*Образ царицы и верховной жрицы в парадном облачении с ритуальным сосудом в руках. Реконструкция И. П. Засецкой, рисунок Е. М. Мироновой*». В публикации Л. С. Клейна, который использовал эту иллюстрацию в своей книге, подпись к рисунку звучит иначе: «*Реконструкция погребенной в Хохлаче дамы на троне из книги Засецкой по материалам Новочеркасского клада (2011, рис. Е. М. Мироновой)*»¹⁹. Дело не в том, что автор, беря чужие иллюстрации, дает свои подписи,

аспект сарматских представлений о царской власти», только вот подмечен он был не им, а И. П. Засецкой, но почему-то для него это прошло незамеченным.

Возвращаясь к диадеме из Хохлача, хотелось бы вновь отметить некоторые технические особенности в ее изготовлении, которые, как я полагаю, могут указывать на ее восточные корни. Это – наличие смолистого вещества и способ крепления декоративных деталей, аналогии которому мы находим в погребальном венце из некрополя Тилля-тепе, расположенного на территории бывшего Бактрийского царства (рис. 6). Здесь же представлен небольшой экскурс по истории появления и распространения диадем – налобных повязок, венцов и корон на Западе и на Востоке, а также о семантике этого рода украшений и их социальной значимости. Диадема-корона из кургана Хохлач является уникальным образцом древнего ювелирного искусства, в котором смешались художественные традиции эллинской, римской и сарматской культур I в. н. э. Вот почему в моей монографии ей отведено первое и самое большое место [27, с. 20–81]. Однако Л. С. Клейн, игнорируя мои рассуждения, высказался по этому поводу весьма однозначно, в свойственной ему пренебрежительно-покровительственной манере, указав лишь на то, что, «*деस्कать*», И. П. Засецкая, из всех «*доступных*» ей аналогий диадем – скифских, гуннских, римских, сарматских – «*отыскала*» наиболее близкую аналогию в золотой диадеме из погребения царицы на некрополе Тилля-тепе. А где же мои выводы по этому поводу? Разве они не были бы интересны читателю? Зато он отмечает, что «*сарматские диадемы изучил С. А. Яценко*», однако в чем состоит это *изучение* – для читателя остается неизвестным²¹. Далее, Л. С. Клейн вновь обращается к публикации И. И. Толстого и Н. П. Кондакова 1890 г. [59], которые, по словам автора, специально отмечают, что погребение в кургане Хохлач было женским. В действительности, об этом у них нет и речи²². О том, что данное захоронение

тронов, я обратила внимание на сходство конструкции изделий, изображенных на росписи I в. н. э. и на пластине из Мерджан III в. до н. э. Подобное совпадение, на мой взгляд, требует специального исследования. Л. С. Клейн это мое наблюдение, конечно, не заметил.

²¹ Речь идет о статье 1986 г. [62]. В дальнейшем эта тема подробнее разработана им в фундаментальном труде «Костюм древней Евразии» [63, с. 148].

²² После публикации в 1864 г. Н. И. Борисяком отчета о раскопках и описания находок (без иллюстраций) из Хохлача, в котором он отмечал, что погребение принадлежало скифской царице, вновь к материалам этого памятника в 1890 г. (спустя 26 лет) обратились И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. В работе представлено краткое описание золотых изделий, проиллюстрированных черно-белыми фотографиями [59, с. 132–140, рис. 152–165]. Серебряные и бронзовые сосуды, как и мелкие находки, были только упомянуты. При этом авторы ошибочно отнесли новочеркасский комплекс к III в. н. э., к эпохе переселения народов, на основании даты эллинистической головки, которую они назвали *женским императорским бюстом из халцедона* и определили как изделие III–IV вв. н. э. К сожалению, это не одна ошибка авторов. Например, неверно как топаз указан материал вставок в глазах зверей на гривне – в действительности, это «золотистое» стекло; не отмечено, что хищные птицы на диадеме инкрустированы не только бирюзой, но и кораллом, в то же время ложные вставки на бляшках в виде фигурок оленя названы гнездами грубой работы; неправильно указано, что на рисунке 157 изображена крышка «коробочки», в то время как это – дно этой же вещи (полусферического флакона). Также неверно определены: ладьевидный флакончик с перегородчатой инкрустацией на крышке (рис. 162), названный продолговатой пластинкой неизвестного назначения, и составная фигурка хищника се-

было женским, писали все авторы, начиная с Н. Д. Борисяка в 1864 г. [8] и заканчивая мной в 2011 г. [27]. В этой работе я отметила в качестве дополнительного аргумента в пользу женского захоронения отсутствие в погребальном комплексе находок, характерных для мужских погребений – оружия и конского снаряжения [27, с. 13 и 245]. Л. С. Клейн, указав на этот факт (с. 23), то ли от своего лица, то ли от лица И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, предпочел, однако, не заметить, моего высказывания. Конечно, читателю все равно – кто, когда и что сказал. Но автор любого сочинения научного или научно-популярного жанра не должен искажать факты.

Далее в части 5 рассматривается образ лося на золотом кубке как символ варварской культуры, которого, однако, И. И. Толстой и Н. П. Кондаков [59, с. 138] и М. И. Ростовцев [66, р. 50] отождествляют с оленем. Поэтому «восклицание» Л. С. Клейна, «что это он (Ростовцев – И. З.) *распознал лося*», как бы повисает в воздухе²³. Однако в дальнейшем в советской и российской литературе (в альбомах, путеводителях, каталогах) это животное фигурирует как образ лося. В моей монографии я рассматриваю фигуру на кубке как изображение взрослого лося, недавно сбросившего рога (рис. 7). Известно, что лоси, как и другие виды семейства оленьих, в какое-то время сбрасывают разросшиеся тяжелые рога, которые восстанавливаются в течении не-

мейства кошачьих (рис. 160), которую авторы считают флаконом, полагая, что агатовая часть фигуры выдолблена внутри (чего нет на самом деле), а горлышко находится под передними ногами животного. Не все верно и с определением вида зооморфных персонажей. Так, фантастические птицы в сценах терзания на гривне и флаконах названы орлами, а лось на кубке – оленем, фигурки безрогих лосей определены как зайцы. Своими замечаниями я совсем не хочу умалить значение данной работы известных исследователей И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, которая долгое время была единственной публикацией сокровищ из кургана Хохлач. Как справедливо заметил Л. С. Клейн, авторы правильно отметили восточное влияние, в частности, изображений на изделиях из Сибирской коллекции Петра I в передаче зооморфных образов, в том числе и китайского искусства, указав на ладьевидный флакон. Несомненно, эти наблюдения, а также их высказывание о греко-варварском характере декоративного оформления диадемы, ценны и значимы. Однако публикация на 9-ти страницах при наличии 14-ти иллюстраций, из которых диадема занимает 2 страницы, носит скорее информационный, чем исследовательский характер. Это лишь тезисы, требующие более конкретного исследования.

Что же касается высказываний одного из выдающихся русских ученых начала XX века М. И. Ростовцева о находках из кургана Хохлач, где, как он считал, была похоронена женщина, то он также отмечал греко-варварский облик диадемы, предполагая, что она могла быть изготовлена на Боспоре, и в то же время указывал, что вещи с зооморфными образами восточного иранского происхождения. Отметив одну из стилистических особенностей – наличие цветных вставок, что отличало эти изображения от скифского монохромного искусства, выделил новочеркасские находки в самостоятельный сарматский звериный стиль [65, Pl. XXVI,1,3,5; 66, Pl. XIV,1,2,4]. Однако у него нет полной публикации комплекса. Подробный анализ исследования М. И. Ростовцева по сарматскому полихромному звериному стилю, в том числе и по изделиям из кургана Хохлач, представлен мной в историографическом очерке 1989 г. [20] и в монографии 2011 г. [27, с. 15–16, 252–253].

²³ Фигуру на золотом кубке М. И. Ростовцев назвал «северным оленем», также с северным оленем он отождествил животное, изображенное на золотых флаконах в сценах терзания. В то время как принадлежность последнего к семейству лосей, судя по специфической форме рогов, кажется несомненной. Лишь по фигурке в позе свернувшегося животного на крышке золотого флакона М. И. Ростовцев высказал предположение, что здесь изображен либо олень, либо лось.

скольких лет [27, с. 160–161]. Л. С. Клейн определил фигуру на золотом кубке как лосиху с коротким выростом вместо рогов. Однако у лосих не бывает никаких «выростов», и древние люди это хорошо знали. В этом отношении интересна золотая пластина из кургана «Мехзавод» в Ростовской области, на которой изображена сцена нападения какого-то фантастического существа на «стадо» лосей, символически представленного в виде одной погибшей особи и трех животных – рогатого лося и расположенных по сторонам фигур безрогих лосих (рис. 8) [23, с. 127, рис. 21]

Рис. 7. Голова лося – деталь ручки в виде фигуры лося на золотом кубке из кургана Хохлач

В части 7 «Сарматы и скрещение культур» автор продолжает тему смешения элементов разного происхождения в материалах, обнаруженных в кургане Хохлач. Отмечая несомненное присутствие в них влияния культуры и искусства восточных стран и, прежде всего, Ирана, Л. С. Клейн ставит вопрос о проникновении в сарматское общество влияния Запада. Подтверждение этому он находит в работе Д. Б. Шелова [60], утверждая, что *«Вот он сумел четко разделить вещи Новочеркасского клада»*, с одной стороны – золотые изделия, *«большой частью восточные, сарматского стиля»*, с другой – *«серебряные и бронзовые – западные, происходят из пределов Римского государства»* (с. 39). Но ведь это высказывание не имеет никакого отношения к обсуждаемому в научной литературе вопросу об эклектичном характере находок из Хохлача, под которыми ученые подразумевали исключительно ювелирные изделия. Что же касается импортной металлической посуды, которая нередко составляет часть погребального инвентаря в захоронениях кочевой знати, то вопросы ее происхождения и попадания в мир кочевников южнорусских степей исследователи рассматривают как явление иного порядка, связанного с историческими контактами [60; 39; 58; 61; 51; 67; 27, с. 234]. Из дальнейшего текста Л. С. Клейна становится понятным, с какой целью он привлекает внимание к этому виду находок. Оказывается, речь идет о сходстве между атташем на серебряном аске и золотыми бляшками из Хохлача, которые в литературе фигурировали как якоревидные и которые я, опираясь на данные этнографии, определила как схематичные изображения головы быка²⁴. Более того, Л. С. Клейн полагает, что именно данный атташ явился

²⁴ В подписи к рис. 27 в книге Л. С. Клейна он, со ссылкой на мою иллюстрацию 1026, пишет: *«стилизованная голова быка, по Засецкой, хотя тут, если видеть в бляшке голову животного, скорее баран, чем бык»*. Лев Самуилович совершенно прав, только ошиблась не я, а он, так как бляшки, показанные в моей монографии 2011 г. на Ил. 1026, названы именно головами барана. Кстати, этот вид бляшек Л. С. Клейн рассматривает как, якобы, переоформление первого варианта (списанного с атташа на

Рис. 8. Пластина из сарматского кургана «Мехзавод» в Ростове-на-Дону

прямым прототипом сарматских бляшек – «Один из самых массовых типов золотых нашивных бляшек – якорек с копьем и волутами (рис. 25) ... в точности повторяет форму серебряного украшения ручки импортного римского аска – та же перекладина, та же копьецо, те же волуты (рис. 26)». Так ли уж идентична фигура на аске бляшкам из Хохлача? М. Ю. Трейстер описывает атташ на аске как изображение листа с волутами [46, с. 41–42]. На мой взгляд, атташ на серебряном сосуде представляет собой стилизованную фигуру трилистника – элемент растительного орнамента. В то время как бляшки являются типичным примером геометрического стиля (рис. 9). Но, даже если и признать наличие некоторого формального сходства между ними, вряд ли это позволяет предполагать, что именно атташ на данном италийском сосуде явился образцом для новочеркасских бляшек. Вот почему дальнейшие рассуждения Л. С. Клейна о месте изготовления бляшек представляются мне просто фантастическим недоразумением – «А ведь бляшки штамповались не на западе, а здесь, скорее всего, близко от стана сарматской царицы, по ее прямому заказу. Их задумали, глядя на полученный ею с далекого запада серебряный сосудик – аск». Но еще более неправдоподобно звучат слова автора, якобы вытекающие из этого факта: «значит, сарматы охотно впитывали чуждые мотивы, легко осваивали их и быстро развивали дальше». Такого рода заключения с полным основанием можно было бы отнести, например, к изделиям сарматского полихромного звериного стиля, в котором исследователи находят и выделяют изобразительные черты искусства племен и народов Сибири, Средней и Центральной Азии скифской эпохи. Именно отталкиваясь от этих наблюдений можно сказать: «Маленькая деталь может послужить моделью для познания крупных процессов развития сарматской культуры, критерием для оценки роли культурных контактов, ключом к психологии этого народа» (с. 42). Но эти слова не имеют никакого отношения к происхождению бляшек из кургана Хохлач, которые якобы копируют форму атташа на серебряном аске.

аске), у которого волуты завернуты в противоположные стороны. Но именно этот признак, на мой взгляд, свидетельствует о разной символике изображений.

Одна из частей в книге Л. С. Клейна называется «Звериный стиль» (часть 14, с. 67–70). Если автор рассматривает свое сочинение как научно-популярное, пусть даже и для избранной публики, то вряд ли содержание части 14 можно назвать таковым, и вряд ли оно будет понятно читателям. Текст этой части в основном посвящен рассмотрению методики типологического исследования изображений звериного стиля по разработкам Л. С. Клейна. Однако сложность и неоднозначность произведений древнего искусства, отличающихся индивидуальным характером, требует особого подхода к их изучению. И не всегда метод типологии, который используется в систематизации массового археологического материала, такого, как керамические сосуды, предметы вооружения – мечи, наконечники стрел и др., оказывается пригодным для своеобразных предметов звериного стиля.

На мой взгляд, прежде чем посвящать читателя в теоретические изыскания по звериному стилю, было бы не лишним объяснить популярно, что же это за особое явление в культуре древних народов. Рассказать о его тотемистических истоках, о семантике этого искусства, в котором главными мотивами были образы хищников, травоядных животных и фантастических существ, изображенных в виде отдельных фигур и в ритуальных сценах – борьбы зверей, терзаний и жертвоприношений, отражающих мировоззренческие взгляды носителей и создателей этих картин, об их магическом свойстве. Все эти явления мы наблюдаем в зооморфных мотивах на золотых изделиях из курганов Хохлач и Садовый, которые являются яркими образцами *сарматского полихромного звериного стиля*.

Что же касается непосредственно находок из кургана Хохлач, то ему в части 14 посвящены два верхних абзаца (с. 67). Здесь вновь в качестве исследователей сарматского звериного стиля и его связи с искусством скифо-сибирского круга упомянуты только работы И. И. Толстого и Н. П. Кондакова 1890 г. [59] и М. И. Ростовцева 1922 и 1929 гг. [65; 66]. А где же монографии и статьи 1950–70-х гг. российских ученых М. И. Артамонова [3; 4], М. П. Грязнова [12], С. И. Руденко [53; 54], Е. В. Переводчиковой 1994 г. [50], Д. С. Раевского 1985 г. [52], В. А. Киселя 2003 г. [35], Е. Ф. Корольковой 2006 г. [37], Е. С. Богданова 2006 г. [7], статьи концептуального характера А. Р. Канторовича 2002 и 2010 гг. [33; 34] и т. д., и т. д. Я не имею в виду, что эти труды необходимо

Рис. 8. а – атгаш на серебряном сосуде-аске; б, в – золотые бляшки из кургана Хохлач (б – голова быка; в – голова барана по И. П. Засецкой)

разбирать подробно, но, на мой взгляд, следовало бы отметить, что тема искусства звериного стиля являлась и является одной из главных в исследовании советских и российских ученых, которые, по сравнению с авторами XIX – начала XX века, в значительной степени углубили и расширили рамки изучения данной проблемы.

Дискутируя на тему об искусстве звериного стиля, Л. С. Клейн не смог обойти «вниманием» научных сотрудников Эрмитажа. Обвиняя их в исследовательской несостоятельности, он пишет, что *«основным специалистам по сарматским древностям, работавшим в Эрмитаже на обобщающую работу о сарматском зверином стиле руки как-то не поднимались»*, поскольку они придерживаются устаревших *«традиционных методов» – «вещеведческого и искусствоведческого анализа»* (с. 68).

Хотелось бы знать, кого конкретно имеет в виду автор, говоря об эрмитажных специалистах по сарматским древностям? Если речь идет о нашем отделе, то формально таким специалистом являюсь я – И. П. Засецкая. Однако далее мы читаем, что оказывается – пока эти *таинственные специалисты* копили факты, обрабатывали детали, подыскивали аналогии – вышла в 2003 г. монография «Полихромный звериный стиль» *«провинциального археолога из Крыма»* В. И. Мордвинцевой [44]. И все те же неизвестные эрмитажные специалисты восприняли этот, по словам Л. С. Клейна, *«демарш»* как *«претенциозный»* и *«нахальный»*. Откуда Лев Самуилович взял подобные факты, и кто конкретно так называл работу В. И. Мордвинцевой, остается неясным. То, что ее труд оказался недобросовестным и плохим исследованием, я показала в своей рецензии, которая, как правильно заметил Л. С. Клейн, была написана *«безукоризненно вежливо»* [23, с. 97–130]²⁵. Однако, моя критика для Валентины Ивановны – «что с гуся вода», не взирая на мои замечания, она переиздает свою работу в совместном с М. Ю. Трейстером трехтомном труде, изданном на русском языке в Симферополе и на немецком в Бонне [46, с. 195–244].

К сожалению, Л. С. Клейн не узнал, что руки «эрмитажных специалистов» дошли-таки до обобщающего исследования по сарматскому искусству. Это моя монография «Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.)» [32]. «Тише едешь, дальше будешь»²⁶.

²⁵ Что же касается *провинциального* автора В. И. Мордвинцевой, жертвы сарматских специалистов Эрмитажа, то она, напротив, достаточно уверенный в себе человек, целенаправленно делающий свою карьеру. В Эрмитаже (в сарматской секции) она появилась в 1983 г., будучи аспиранткой Волгоградского госуниверситета, и в первую очередь обратилась ко мне. Я не только радушно встретила ее, но и со временем приняла участие в ее первых публикациях и даже в работе над диссертацией, в качестве консультанта и редактора. В течение нескольких лет В. И. Мордвинцева регулярно приезжала в Санкт-Петербург (где она защитила свою диссертацию в ИИМК) и фактически «жила» в нашем отделе. Поэтому более чем странным кажется использование в тайне от эрмитажных хранителей материалов Сибирской коллекции и сарматских находок в упомянутой выше монографии 2003 г. Более того, предложив М. Б. Шукину стать редактором ее книги, она попросила его «не показывать рукопись Ирине Петровне» (об этом мне рассказал сам Марк Борисович).

²⁶ А почему Лев Самуилович не задал себе вопрос, что мешало ему провести исследование и опубликовать материалы второго знаменитого новочеркасского кургана «Садовый», раскопанного при его

Проблемы искусства звериного стиля скифо-сарматской эпохи являются одной из широко обсуждаемых тем в археологической литературе. В указанной работе мной сформулированы главные вопросы по исследованию звериного стиля сарматской культуры – происхождение и формирование художественного стиля и его роль как исторического источника. Но чтобы ответить на эти вопросы, необходимо иметь глубокое всестороннее исследование самого объекта, нужна научная систематизация материала. И, на мой взгляд, в первую очередь следует проработать стилистические особенности зооморфных изображений, что позволит выделить среди них близкие по изобразительным признакам группы и варианты сарматского звериного стиля, а аналогии в более ранних памятниках скифо-сибирского круга укажут на сохранение художественных традиций и их общие корни. Затем, учитывая время и территорию распространения выделенных групп и вариантов, можно определить этнокультурную принадлежность находок и связать их с определенными историческими событиями. Именно в таком плане я старалась осуществлять свое исследование.

В 2008 г. вышла статья В. И. Мордвинцевой в ответ на мою рецензию, но кроме несправедливых упреков в мой адрес, все сделанные мной замечания и доказательства остались без внимания [45, с. 129–140]. Отвечать на столь некорректные обвинения я, конечно, не стала. А вот Е. Ф. Королькова решила не только поддержать меня, но и показать профессиональную недобросовестность работы В. И. Мордвинцевой по исследованию предметов из Сибирской коллекции Петра I [38, с. 101–109]. В частности, Е. Ф. Королькова отмечает, что указанные ею недостатки в методике исследования изделий древнего искусства у В. И. Мордвинцевой складываются в тенденцию, которая *«требует принципиальной оценки»*. Точка зрения В. И. Мордвинцевой (со ссылкой на высказывания Л. С. Клейна), что *археологическое* понятие стиля отличается от *искусствоведческого* тем, что оно *освобождено от феноменов художественности и стиль от цельности*, носит субъективный характер. В своей статье Е. Ф. Королькова справедливо указывает, что *«искусство, пусть даже и архаическое, никак по определению не может быть освобождено от художественности и стиль от цельности»*. Следовательно, автор, изучающий древнее искусство, должен видеть в нем не только предмет археологии, но и объект искусствоведческого анализа. Поскольку В. И. Мордвинцева ссылается на Л. С. Клейна, то, естественно, замечание Е. Ф. Корольковой также касается и его высказывания. А это Льву Самуиловичу не понравилось: как он, Клейн, может быть причастен к явлениям, «которые требуют принципиальной оценки» и от кого – всего лишь от *«ученицы Засецкой и хранительницы Сибирской коллекции»*. А ведь упрек состоял в недопустимости исключения стадии изучения главного источника археологии – материальных остатков древних культур. В то время, как то, насколько подробно исследован вещевой материал и его археологический контекст, как раз и составляют надёжную основу

участия в 1962 г., т. е. 55 лет тому назад? Нынешнюю публикацию, составившую Часть II «Терзания Тарандра: страсти и коллизии Садового кургана» в научно-популярной книге Л. С. Клейна 2016 г., на мой взгляд, вряд ли можно назвать полноценным научным исследованием.

для выводов. Вся информация скрыта в самих вещах, и задача исследователя состоит в её извлечении и правильной интерпретации. Л. С. Клейн, принимая сторону, по его выражению, «нахальной провинциалки», смело перешагнувшей через привычные нормы исследования, по существу подписался и под её методическим подходом, допускающим пренебрежение фактическим материалом. А когда-то русская дореволюционная археологическая школа как раз и славилась своей приверженностью к факту: и М. И. Ростовцев, и С. И. Жебелёв, и Я. И. Смирнов были членами университетского кружка «фактопоклонников», воспитанными Н. П. Кондаковым. Во главу угла они ставили изучение материала.

Что до «ученицы Засецкой», то Е. Ф. Королькова действительно была моей ученицей в студенческие годы, почти полвека назад. Она давно уже признанный специалист в области изучения скифо-сибирского звериного стиля, автор около двухсот статей и монографии, на которые ссылаются все, кто занимается звериным стилем, но, возможно, Л. С. Клейну эти работы были неизвестны. В любом случае, вряд ли этично представлять читателю зрелого специалиста исключительно как «ученицу Засецкой» и хранильницу сибирских древностей²⁷.

Искусство древних народов, с одной стороны, символично, так как отражает мировоззрение своих носителей, но с другой, будучи декоративным оформлением вещей, создаваемых руками ювелирных мастеров, является художественным, а метод *вещеведческого* и *искусствоведческого* анализа этих произведений, на мой взгляд, по-прежнему остается актуальным. Характер искусства звериного стиля и методы его изучения являются постоянным предметом обсуждения ученых. Но эта глобальная тема далеко выходит за рамки нашей дискуссии. В связи с этим хотелось бы понять: какому читателю адресована часть 14 «Звериный стиль» и зачем она была нужна в этой книге? Разве только для того, чтобы еще раз подчеркнуть «убогость» эрмитажных специалистов и свое превосходство над ними.

И, последнее, на чем я хочу остановиться, это на части 12 под загадочным названием «Дама с монографией» (с. 61–63), посвященной моей биографии.

Должна сказать, мне стыдно, что я согласилась на эту авантюру. Я не могу сказать, что Лев Самуилович написал неправду, тем более, что описанные здесь факты из моей биографии были предоставлены ему непосредственно мной. Не-

²⁷ Елена Федоровна в 1973 г., будучи студенткой кафедры истории искусства ЛГУ, поступила в качестве лаборантки в наш отдел. Для курсовых, а затем и для диплома ей нужна была тема, которая соединяла бы археологию и искусствоведение. Я предложила ей исследовать зооморфные образы савроматской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья на предмет их сходства и различия. Эта тема была тогда актуальна, являясь частью проблемы этнокультурной принадлежности памятников этих областей. Одни ученые полагали, что они относятся к единой савроматской культуре, другие, что нижневолжские комплексы принадлежат савроматам, а южно-приуральские другой этнокультурной группе. Е. Ф. Королькова не только успешно защитила диплом, но и в дальнейшем – диссертацию на эту тему, которая составила основу ее монографии [37]. Последняя по своей глубине и фундаментальности исследования могла бы быть докторской диссертацией.

смотря на то, что он высоко оценивает мою научную деятельность в области сармато-гуннской археологии, читая эти строки, я не могу избавиться от ощущения покровительственного похлопывания по плечу старшего товарища. Впрочем, это проходит красной нитью во всех сочинениях Л. С. Клейна, в которых он описывает своих коллег, друзей, учеников. Часто эти характеристики носят уничижительный, сугубо субъективный, а иногда и просто злобный характер. Например, именно в таком духе представлен «портрет» Валентина Павловича Шилова. *«Фронтовик, с протезом вместо ноги (два ранения и контузия), он был видным партийцем, археологом не самым проникновенным, не самым начитанным, но активным, властным и честолюбивым, с большим самолюбием»* (с. 62). Как же надо не любить человека, чтобы о нем так писать? За исключением того, что В. П. Шилов был ранен, все остальное – неправда. Валентин Павлович был не просто фронтовик, он воевал 4 года, дошел до Польши, где и получил свое ранение в ногу. Он никогда не был *«видным партийцем»*. В партию он вступил во время войны вместе со всеми бойцами своего подразделения, что называется «оптом». Работая в ЛОИА с 1950-х г., он лишь однажды в 1970 г. был выбран секретарем партийной ячейки института, пробыв на этом посту один год. Что же касается его деятельности в области археологии, то прежде всего следует отметить масштабы полевых работ, которые он проводил в Нижнем Поволжье, Подонье и Северном Причерноморье в течение многих лет. Материалы его экспедиций, в том числе и уникальные вещи скифо-сарматской эпохи, в настоящее время составляют бесценные коллекции краеведческих музеев-заповедников городов Ростова, Волгограда, Астрахани, а также Государственного Эрмитажа. Однако наряду с полевой работой Валентин Павлович, несомненно, был настоящим разносторонним исследователем, изучая и решая проблемы, связанные как с культурой племен эпохи бронзы, так и кочевников – скифов, савроматов, сарматов. Он очень любил свою работу и был ей бескорыстно предан. Непонятно, что имел в виду Л. С. Клейн, называя В. П. Шилова не *«самым начитанным»*. Но, простите, что Л. С. Клейн мог знать об этом, впрочем, как и о *«честолюбии»*, *«властности»* и *«большом самолюбии»* В. П. Шилова, с которым его отношения ограничивались лишь словами «здравствуйте» и «до свидания». На самом деле, Валентин Павлович был порядочным и очень щедрым человеком. Однако, обладая силой воли, он был в то же время и очень ранимым, что, вероятно, обернулось против него, когда он стал директором ЛОИА²⁸. Вообще, непонятно, какое отношение к истории кургана Хохлач имеют биографические характеристики В. П. Шилова, рассказы о его дружбе и ссоре с А. Д. Грачем и о его неудавшейся карьере на высоком посту. Все это из разряда сплетен и пересудов, которые так любит пересказывать в своих сочинениях Л. С. Клейн. Нечаянно или нарочно, но публикуемые им описания знакомых и незнакомых ему людей

²⁸ Будучи женой Валентина Павловича, я прожила с ним 13 лет и никогда не слышала от него ни грубого слова, ни властного окрика. Наш развод был совершен по обоюдному согласию, и после него между нами сохранялись хорошие отношения. К сожалению, я ничего не могу рассказать о его

почти всегда имеют негативный «привкус». Это касается и участников новочеркасских открытий из курганов Хохлач и Садовый. Например, геолог, профессор Харьковского университета Н. Д. Борисьяк, оставивший нам подробный отчет о раскопках кургана Хохлач, который до сих пор является важнейшим документом, назван в одном случае *«заезжим харьковским геологом»*, в другом – *«вездесущим Борисьякой»* (с. 11, 19). Или другой пример, связанный с прорабом, бывшим инженером Р. И. Авилловым, который после появления первой группы золотых изделий предложил провести копку земли до материка за свой счет [27, с. 11]. Л. С. Клейн этот поступок охарактеризовал как *«подрядчик Авиллов тряхнул мошной»* (с. 12). Может быть, я не права и напрасно придираюсь, но такие эпитеты как *«заезжий»*, *«вездесущий»* по отношению к заслуженному человеку, или выражения *«тряхнул мошной»*, на мой взгляд, не только не уважительны, но просто вульгарны.

Читая историю раскопок кургана Садовый, в части II.9 «Руководство экспедиции и кадры» я натолкнулась на характеристику Бориса Ароновича Раева, бывшего студента, потом аспиранта ЛГУ, а теперь солидных лет известного специалиста, ученого, исследователя. Однако в книге Л. С. Клейна мы читаем, что карьере Бориса в Ленинграде препятствовали два обстоятельства – первое, что он был *полуеврей*, и второе – *слишком любвеобилен*. А далее идет подробное изложение как, на ком, когда, сколько раз женился и разводился Борис, не упуская и эпизоды скандального характера (с. 128). Невольно приходит на память поговорка: *«Ради красного словца не пожалею и отца»*. Именно так можно сказать и по поводу характеристики Джеймса Фрезера – автора знаменитого произведения *«Золотая ветвь»*, данной Л. С. Клейном. *«Трогательно стеснительный, в конце жизни ослепший маленький человек с верной женой, создавший «Золотую ветвь» в жанре мистического романа на основе разных источников и в основе используя чужие идеи, – вот портрет Фрезера»* [6, с. 244]. Да, эта характеристика вполне в духе Л. С. Клейна, который на удивление подмечает, прежде всего, принижающие человека черточки, оставляя в стороне его главные заслуги и достоинства. Зато на первое место выступает сам Л. С. Клейн. И здесь я вновь процитирую Ю. Е. Березкина: *«Как и все книги Клейна, «История антропологических учений» в полной мере отражает личность автора. Сказать, что книга вообще не про антропологию, а про Клейна, было бы сильным преувеличением, но некоторые основания для подобного мнения есть. «Это моя история антропологии», – написано в авторском предисловии»* [6, с. 243]. Во всех сочинениях Льва Самуиловича, какой бы теме они не были посвящены, главная роль отводится автору. Достаточно вспомнить название его произведения *«Трудно быть Клейном»* – звучит более чем претенциозно, и я бы сказала даже кощунственно, если вспомнить, что источником для этого послужило название романа братьев Стругацких *«Трудно быть Богом»*. Не всякий бы автор рискнул на такое... Поэтому, мой совет

деятельности и настроения на посту директора института, т. к. именно в год его назначения на эту должность мы и расстались.

последователям Л. С. Клейна – прежде, чем «рисовать» неблагоприятные портреты своих коллег, загляните в себя поглубже.

Но вернемся к новочеркасскому погребальному комплексу. И прежде всего у меня возникает вопрос – зачем Л. С. Клейну нужна была эта «баллада» о Хохлаче? Что нового он внес в исследование этого памятника, и что нового и интересного о своеобразных и уникальных находках из Хохлача сможет найти в нем читатель?

В качестве **новых** данных, которые отсутствуют в моей книге, можно считать публикацию архивных данных, интерпретацию бляшек, якобы имитирующих атташ импортного сосуда – аска, и последующие после этого «глобальные» фантастические выводы.

Новым является и предположение Л. С. Клейна (с. 22), что Хохлач был не открыт полностью, и там, под землей, могли сохраниться еще какие-то находки. Но вряд ли мы узнаем об этом в ближайшем будущем.

Затронутый Л. С. Клейном далеко не новый вопрос о принадлежности новочеркасского погребального комплекса аланам или аорсам, на мой взгляд, все еще остается дискуссионным. Несомненно, Хохлач относится к группе памятников второй половины I – начала II в. н. э., таких как курганы: Садовый, Дачи, Кобяково – на Дону, Жутовский – в междуречье Волги и Дона, Кичкас – на Днепре, Пороги – на Днестре, с которыми его прежде всего связывает наличие предметов сарматского полихромного звериного стиля, а в некоторых случаях и черты погребального обряда. Наряду с подобными рода памятниками, в тех же регионах присутствуют богатые захоронения знати, но в которых изделия звериного стиля отсутствуют. Это различие я рассматриваю как свидетельство о совместном проживании двух разных этнокультурных групп. На основании вышесказанного мы можем констатировать, что в первом веке нашей эры произошла миграция каких-то племен восточного происхождения (возможно аланов), которые, дойдя до Нижнего Дона, обосновались здесь. Но при этом завоеватели не уничтожили и не изгнали с родной земли местное население, как это случилось во время нашествия гуннов в Восточную Европу, а, напротив, внедрились в их среду, постепенно ассимилируя друг друга. Исчезновение предметов искусства полихромного звериного стиля в памятниках позднесарматской культуры II–III вв. н. э. свидетельствует о том, что пришельцы, окончательно растворившись среди коренного населения, распространили, однако, на них свое имя [27, с. 256–257]. Не случайно, первым народом, с кем столкнулись гунны в южнорусских степях в IV веке, по словам римского писателя Аммиана Марцеллина, были аланы [41, с. 339].

В 2018 г. в издательстве «Евразия» вышла очередная книга Л. С. Клейна «Диалоги. Теоретическая археология и не только». В ней автор подытожил свою научную деятельность и оценил собственное значение в науке. И здесь Л. С. Клейн чрезвычайно скрупулезен: ни одна работа не была упущена из списка изданного им. Он дает оценку и своей книге 2016 года «Первый век: сокровища сарматских курганов». Лев Самуилович, отмечая принадлежность этого сочинения к научно-популярным изданиям типа книги «Времени Кентавров», подчеркивает, что «*Первый век...*» **роскошнее** и дороже. Если говорить о первой части этой книги, то «роскошь»

в ней составили цветные иллюстрации (33 изображения), взятые из моей монографии. Уберите эти картинки – и «роскошь» исчезнет²⁹. Далее Л. С. Клейн, как бы между прочим, упоминает, что «полная публикация Хохлача издана Эрмитажем (Засецкая 2011)». А, может быть, сначала следовало бы назвать автора «полной публикации» И. П. Засецкую, а затем указать где она издана. И все-таки Л. С. Клейну пришлось сказать, что он «использовал» эту публикацию, но при этом указал, что добавил свои соображения о древностях Хохлача.

Такое впечатление, что отсутствие всестороннего исследования вещевого материала привело автора к наполнению текста всяческими «лирическими» и другого вида отступлениями. Отсюда и ошибки в описании вещей и их техники, в определении вида звериных образов, в искажении фактических данных. Это связано не только с тем, что автор не работал с материалом, но и с незнанием новейшей литературы, посвященной сарматской археологии, в том числе и находкам из кургана Хохлач. Не случайно единственными литературными источниками, на которые постоянно ссылается Л. С. Клейн, являются сочинения И. И. Тостого и Н. П. Кондакова 1890 г. и М. И. Ростовцева 20-х годов. А ведь даже в аннотации 1964 г. К. М. Скалон о новочеркасской диадеме сказано больше, чем у предшествующих авторов. Например, ею отмечены новые черты в изобразительных особенностях и конструктивных деталях диадемы, а также подчеркнут социальный статус владелицы этого головного убора как жрицы [56]. Также незамеченными остаются выделенные мной новые факты – появление кос в прическе женского образа, изображенного на диадеме, и фиксация фигурки Эроса (Купидона) на ветке одного из деревьев верхнего фриза [26]. А ведь об этом было бы интересно рассказать читателю. Рассуждая о фаларах из кургана Садовый, Л. С. Клейн мог бы ознакомиться с моей статьей, посвященной большим фаларам сарматской эпохи, в которой я отмечаю сходство донских и сибирских находок, указывая, в частности, на своеобразный прием в образовании бордюров вокруг центральных медальонов, а также высказываю предположение о сомнительном происхождении фаларов, хранящихся в Нью-Йорке и Израиле [28, с. 114, 119–121]. Этот факт, как свое наблюдение, без ссылки на мою работу, отмечает Л. С. Клейн (с. 172).

Таким образом, желание Л. С. Клейна высказать некоторые свои соображения по поводу чрезвычайно интересного археологического памятника, при отсутствии того самого «вещеведческого» подхода, вероятно, еще не достаточный повод для издания отдельной книги, претендующей на концептуальность.

Я совсем не хочу сказать, что моя книга безупречна, и что в ней решены все проблемы сарматской археологии. Напротив, мое исследование показало, сколько еще неразрешенных вопросов разного характера и значимости ждут своего ответа.

²⁹ Не могу не отметить еще одну бестактность по отношению ко мне. Так, внизу на странице 204 Л. С. Клейн публикует список коллег, которых благодарит за помощь, среди них – и моя фамилия. Далее он благодарит некоторых сотрудников за особые услуги. Например, В. И. Мордвинцеву «за любезно предоставленные три карты»; только автору цветных иллюстраций находок из Хохлача (И. П. Засецкой), украсивших первую часть его книги, отдельной благодарности нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 269 с.
2. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV века до н. э. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
3. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 120 с., 321 табл.
4. Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
5. Балонов Ф.О. О некоторых предметах из курганов Чертомлык и Хохлач // Ювелирное искусство и материальная культура: тезисы докладов участников восемнадцатого colloquium (19-23 апреля 2010 г.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 8–10.
6. Березкин Ю.Е. Рецензия на книгу: Клейн Л.С. История антропологических учений // Антропологический форум. 2014. № 24. С. 242–252.
7. Богданов Е.И. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
8. Борисяк Н.Д. Об археологическом открытии в Новочеркасске // Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1864. № 27. Июль.
9. Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). М.: Наука, 1977. 68 с. (САИ. Вып. Д1–33).
10. Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л.: Искусство, 1980. 128 с.
11. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
12. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
13. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
14. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
15. Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1965. Вып. 7. С. 28–36.
16. Засецкая И.П. Диагональные погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 105–121.
17. Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. 1979. Вып. XX. С. 87–113.
18. Засецкая И.П. Изображение пантеры в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1. С. 46–55.
19. Засецкая И.П. Зооморфные мотивы в сарматских геометрических бляшках // Античная торевтика / Ред. Н.Л. Грач. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 128–134.
20. Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 35–46.
21. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–104.
22. Засецкая И.П. Золотые браслеты из сарматского погребения Кобяковского могильника (происхождение сюжета и место изготовления) // РА. 2003. № 4. С. 46–52.
23. Засецкая И.П. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. № 2. С. 97–130.
24. Засецкая И.П. Два мотива в сарматском зверином стиле – свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I в. до н. э. – II в. н. э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 74–109.
25. Засецкая И.П. Золотые украшения из кургана Хохлач – классический образец сарматского полихромного звериного стиля I – начала II в. н. э. // Сокровища сарматов: Каталог выставки. СПб., Азов: Изд-во Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, 2008. С. 29–43.

26. Засецкая И.П. Новые детали декора диадемы из кургана Хохлач // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 212–224.
27. Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.
28. Засецкая И.П. Украшения конской сбруи из сарматских погребений I в. н. э. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2012. Вып. 2. С. 96–126.
29. Засецкая И.П. Изображение грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: ИД «Скиф», 2012. С. 353–383.
30. Засецкая И.П. Образ волка в сарматском искусстве I в. н. э. // Вояджер: мир и человек. Самара, 2012. № 3. С. 63–73.
31. Засецкая И.П. Магия золотой диадемы из кургана Хохлач. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 64 с.
32. Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.). Симферополь: Антиква, 2019. 184 с.
33. Канторович А.Р. К вопросу о стилистических истоках, причинах популярности и назначении приема «зооморфных превращений» в искусстве скифского звериного стиля // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 2002. Вып. 8. С. 20–32.
34. Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Археологический альманах. Донецк, 2010. № 21. С. 189–224.
35. Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
36. Клейн Л.С. Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия, 2016. 224 с.
37. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
38. Королькова Е.Ф. О путях исследования звериного стиля (к проблеме метода и этики в новейших работах по искусству сарматской эпохи) // РА. 2010. № 4. С. 101–109.
39. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н. э. – V в. н. э. М., Л.: Наука, 1970. 280 с. (САИ. Вып. Д1–27).
40. Лавыгина Н.В. Образы фантастических существ в полихромном зверином стиле раннесарматского времени // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград, 1999. С. 157–161.
41. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1906. 187 с.
42. Манцевич А.П. Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
43. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и в средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
44. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003. 216 с.
45. Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и современные проблемы его изучения // ВДИ. 2008. № 1. С. 129–140.
46. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. – 2 в. н. э.: в 3-х т. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. Т. 1. 308 с.
47. Очир-Горяева М. А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Ред. Е.Н. Носов. СПб., 2016. С. 113–128. (Труды ИИМК РАН. Т. 46).
48. Оятева Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2003. 128 с.
49. Оятева Е.И., Игнатьева О.В., Белавин А.М. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2009. 160 с.

50. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
51. Раев Б.А. Металлические сосуды кургана Хохлач // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 89–94.
52. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. 256 с.
53. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 383 с., 120 табл.
54. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 346 с., 128 табл.
55. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. М., Л.: Наука, 1962. Вып. ДЗ–9. С. 5–55.
56. Скалон К.М. Диадема из кургана «Хохлач» у г. Новочеркаска // Эрмитаж: Альбом / Ред. М. И. Артамонов. Л.: Сов. художник, 1964. Кат. № 30.
57. Скалон К.М. Складной стул из погребения у села Концешты в Молдавии // СГЭ. 1966. Вып. XXVII. С. 55–59.
58. Скалон К.М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // СГЭ. 1973. Вып. XXXVII. С. 50–53.
59. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. 158 с.
60. Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 195 с.
61. Шилов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. 1973. Вып. 138. С.60–65.
62. Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 14–20.
63. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
64. Popa A. Flabella im Barnaricum. Überlegungen zu einer Fundgruppe bronzener Gegenstände aus dem Gebiet jenseits der Provize Dacia und Moesia Inferior // Germania. Mainz, 2007. Bd. 85-2. S. 329–347.
65. Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XV+260 p.
66. Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China. Princeton: University Press, 1929. 112 p.
67. Treister M.Yu. Silver vessels from the Khokhlach barrow // The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes. Bucharest, 26–31 May, 2003 / Ed. C. Mușățeanu. Bucharest, 2004. P. 451–467.
68. Zassetskaya I.P. Le style animalier dans l'art des tribus sarmates // L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Abbaye de Daoulas, 1995. P. 50–54.
69. Zassetskaya I.P. Le kourgane “Khokhlatch” ou Tresor de Novotcherkassk // L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Abbaye de Daoulas, 1995. P. 55–60.
70. Zassetskaja I.P. New research on the polychrome animal style // Eurasia Antiqua. 2010. Bd. 16. P. 283–300.

REFERENCES

1. Alekseev A.Iu. *Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 269 p.
2. Alekseev A.Iu., Murzin V.Iu., Rolle R. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV veka do n. e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 416 p.
3. Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga, Leningrad, Artia Publ, Sovetskii khudozhnik Publ., 1966, 120 p.
4. Artamonov M.I. *Sokrovishcha sakov*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 280 p.
5. Balonov F.O. O nekotorykh predmetakh iz kurganov Chertomlyk i Khokhlach. *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura: tezisy dokladov uchastnikov vosemnadsatsatogo kollokviuma (19–23 apreliia 2010 g.)*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2010, pp. 8–10.
6. Berezkin Iu.E. Retsenziia na knigu: Klein L.S. Istoriiia antropologicheskikh uchenii. *Antropologicheskii forum*, 2014, No. 24, pp. 242–252.

7. Bogdanov E.I. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii (skifosibirskaiia khudozhestvennaia traditsiia)*. Novosibirsk, 2006, 240 p.
8. Borisiak N.D. Ob arkheologicheskom otkrytii v Novocherkasske. *Moskovskie vedomosti*, Voskresnoe pribavlenie, 1864, No. 27, July.
9. Galanina L.K. *Skifskie drevnosti Podneprov'ia (Ermitazhnaia kolleksiia N.E. Brandenburga)*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 68 p.
10. Galanina L.K. *Kurdzhipskii kurgan. Pamiatnik kul'tury prikubanskikh plemen IV veka do n. e.* Leningrad, Iskusstvo Publ., 1980, 128 p.
11. Galanina L.K. *Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniia ranneskifskoi epokhi*. Moscow, Paleograf Publ., 1997, 316 p.
12. Griaznov M.P. *Pervyi pazyrykskii kurgan*. Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1950, 92 p.
13. Gushchina I.I., Zasetskaia I.P. *“Zolotoe kladbishche” rimskoi epokhi v Prikuban'e*. St-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
14. Zavitukhina M.P. *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremia*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983, 192 p.
15. Zasetskaia I.P. Naznachenie veshchei Fedulovskogo klada. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1965, Vol. 7, pp. 28–36.
16. Zasetskaia I.P. Diagonal'nye pogrebeniia Nizhnego Povolzh'ia i problema opredeleniia ikh etnicheskoi prinadlezhnosti. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1974, Vol. 16, pp. 105–121.
17. Zasetskaia I.P. Savromatskie i sarmatskie pogrebeniia Nikol'skogo mogil'nika v Nizhnem Povolzh'e. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1979, Vol. XX, pp. 87–113.
18. Zasetskaia I.P. Izobrazhenie pantery v sarmatskom iskusstve. *Sovetskaia arkheologiya*, 1980, No. 1, pp. 46–55.
19. Zasetskaia I.P. Zoomorfnye motivy v sarmatskikh geometricheskikh bliashkakh. Grach N.L. (Ed.), *Antichnaia torevtika*, Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1986, pp. 128–134.
20. Zasetskaia I.P. Problemy sarmatskogo zverinogo stilia (istoriograficheskii obzor). *Sovetskaia arkheologiya*, 1989, No. 3, pp. 35–46.
21. Zasetskaia I.P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V v. n. e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1993, Vol. III, pp. 23–104.
22. Zasetskaia I.P. Zolotyie braslety iz sarmatskogo pogrebeniia Kobiakovskogo mogil'nika (proiskhozhdenie siuzheta i mesto izgotovleniia). *Rossiiskaia arkheologiya*, 2003, No. 4, pp. 46–52.
23. Zasetskaia I.P. O novom issledovanii po problemam polikhromnogo zverinogo stilia. *Vestnik drevnei istorii*, 2006, No. 2, pp. 97–130.
24. Zasetskaia I.P. Dva motiva v sarmatskom zverinom stile – svernuvshiisia po krugu khishchnik koshach'ei porody i vpisannaia v krug figura kozla (I v. do n. e. – II v. n. e.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, Volgograd, 2006, Vol. 8, pp. 74–109.
25. Zasetskaia I.P. Zolotyie ukrasheniia iz kurgana Khokhlach – klassicheskii obrazets sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilia I – nachala II v. n. e. *Sokrovishcha sarmatov: Katalog vystavki*, St-Petersburg, Azov, Azovskii istoriko-arkheologicheskii muzei-zapovednik Publ., 2008, pp. 29–43.
26. Zasetskaia I.P. Novye detali dekora diademy iz kurgana Khokhlach. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, Volgograd, 2009, Vol. 10, pp. 212–224.
27. Zasetskaia I.P. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2011, 328 p.
28. Zasetskaia I.P. Ukrasheniia konskoi sbrui iz sarmatskikh pogrebenii I v. n. e. *Scripta Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury*, Moscow, 2012, Vol. 2, pp. 96–126.
29. Zasetskaia I.P. Izobrazhenie grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile. *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statei k 60-letiiu A.V. Simonenko*, Kiev, Skif Publ., 2012, pp. 353–383.
30. Zasetskaia I.P. Obraz volka v sarmatskom iskusstve I v. n. e. *Voiazher: mir i chelovek*, Samara, 2012, No. 3, pp. 63–73.
31. Zasetskaia I.P. *Magiia zolotoi diademy iz kurgana Khokhlach*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2015, 64 p.

32. Zasetskaia I.P. *Iskusstvo zverinogo stilia sarmatskoi epokhi (II v. do n. e. – nachalo II v. n. e.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2019, 184 p.
33. Kantorovich A.R. K voprosu o stilisticheskikh istokakh, prichinakh populiarnosti i naznachenii priema «zoomorfnykh prevrashchenii» v iskusstve skifskogo zverinogo stilia. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh*, Armavir, Moscow, 2002, Vol. 8, pp. 20–32.
34. Kantorovich A.R. Istoki i variatsii obrazov grifona i grifopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII–VI vv. do n. e. *Arkheologicheskii al'manakh*, Donetsk, 2010, No. 21, pp. 189–224.
35. Kisel' V.A. *Shedevry iuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov*. St-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003, 192 p.
36. Klein L.S. *Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2016, 224 p.
37. Korol'kova E.F. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII–IV vv. do n. e.)*. St-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2006, 272 p.
38. Korol'kova E.F. O putiakh issledovaniia zverinogo stilia (k probleme metoda i etiki v noveishikh rabotakh po iskusstvu sarmatskoi epokhi). *Rossiiskaia arkheologiya*, 2010, No. 4, pp. 101–109.
39. Kropotkin V.V. *Rimskie importnye izdeliia v Vostochnoi Evrope II v. do n. e. – V v. n. e.* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1970, 280 p.
40. Lavygina N.V. Obrazy fantasticheskikh sushchestv v polikhromnom zverinom stile rannesarmatskogo vremeni. Skripkin A. S. (Ed.), *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zhelezного века i srednevekov'ia*, Volgograd, 1999, pp. 157–161.
41. Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. T. II. Latinskie pisateli*. Vol. 2. St-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1906, 187 p.
42. Mantsevich A.P. *Kurgan Solokha*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1987, 143 p.
43. Minasian R.S. *Metalloobrabotka v drevnosti i v srednevekov'e*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2014, 472 p.
44. Mordvintseva V.I. *Polikhromnyi zverinyi stil'*. Simferopol, Universum Publ., 2003, 216 p.
45. Mordvintseva V.I. Sarmatskii zverinyi stil' i sovremennye problemy ego izucheniia. *Vestnik drevnei istorii*, 2008, No. 1, pp. 129–140.
46. Mordvintseva V.I., Treister M.Iu. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e 2 v. do n. e. – 2 v. n. e.* T. 1, Simferopol, Bonn, Tarpan Publ., 2007, 308 p.
47. Ochir-Goriaeva M. A. Sledy postpogrebal'nykh obriadov v kurganakh skifskoi epokhi stepei Evrazii. Nosov E.N. (Ed.), *Drevnie nekropoli i poseleniia: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniia i ogrableniia*. St-Petersburg, 2016, pp. 113–128.
48. Oiateva E.I. *Iskusstvo Prikam'ia po materialam khudozhestvennoi metallicheskoj plastiki*. Perm', 2003, 128 p.
49. Oiateva E.I., Ignat'eva O.V., Belavin A.M. *Permskii zverinyi stil' v sokrovishchnitse Gosudarstvennogo Ermitazha*. Perm', 2009, 160 p.
50. Perevodchikova E.V. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1994, 206 p.
51. Raev B.A. Metallicheskie sosudy kurgana Khokhlach. *Problemy arkheologii*, Vol. 2, Leningrad, 1978, pp. 89–94.
52. Raevskii D.S. *Model' mira skifskoi kul'tury*. Moscow, 1985, 256 p.
53. Rudenko S.I. *Kul'tura naselenie Gornogo Altaia*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1953, 383 p.
54. Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1960, 346 p.
55. Rudenko S.I. Sibirskaia kolleksiia Petra I. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962, Vol. D3–9, pp. 5–55.
56. Skalon K.M. Diadema iz kurgana «Khokhlach» u g. Novocherkasska. Artamonov M. I. (Ed.), *Ermitazh: Al'bom*, Leningrad, Sovetskii khudozhnik Publ., 1964, Cat. No. 30.

57. Skalon K.M. Skladnoi stul iz pogrebeniia u sela Kontseshty v Moldavii. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1966, Vol. XXVII, pp. 55–59.
58. Skalon K.M. O nekotorykh formakh steklianoi posudy pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo Bospora. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1973, Vol. XXXVII, pp. 50–53.
59. Tolstoi I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vypusk tretii. Drevnosti vremen pereseleniia narodov*. St-Petersburg, 1890, 158 p.
60. Shelov D.B. *Antichnyi mir v Severnom Prichernomor'e*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1956, 195 p.
61. Shilov V.P. K probleme vzaimootnoshenii kochevykh plemen i antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia v sarmatskuiu epokhu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1973, Vol. 138, pp. 60–65.
62. Iatsenko S.A. Diademy stepnykh kochevnikov Vostochnoi Evropy v sarmatskuiu epokhu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1986, Vol. 186, pp. 14–20.
63. Iatsenko S.A. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, 664 p.
64. Popa A. Flabella im Barnaricum. Uberlegungen zu einer Fundgruppe bronzener Gegenstände aus dem Gebiet jenseits der Provize Dacia und Moesia Inferior. *Germania*, Mainz, 2007, Bd. 85-2, pp. 329–347.
65. Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, Clarendon Press, 1922, 260 p.
66. Rostovtzeff M.I. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton, University Press, 1929, 112 p.
67. Treister M.Yu. Silver vessels from the Khokhlach barrow. Mușețeanu C. (Ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the XVth International Congress on Antique Bronzes. Bucharest, 26–31 May, 2003*, Bucharest, 2004, pp. 451–467.
68. Zassetskaya I.P. Le style animalier dans l'art des tribus sarmates. *L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité*, Abbaye de Daoulas, 1995, pp. 50–54.
69. Zassetskaya I.P. Le kourgane "Khokhlatch" ou Tresor de Novotcherkassk. *L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité*, Abbaye de Daoulas, 1995, pp. 55–60.
70. Zassetskaja I.P. New research on the polychrome animal style. *Eurasia Antiqua*, 2010, Bd. 16, pp. 283–300.

Информация об авторе

Засецкая И. П. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

Information about the author

Zassetskaya I. P. – Doctor of Science (History), Chief Researcher of the Department of Archeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage